

5 Наш театр и Брехт

Отшумело гастрольное лето. До октября будут пустовать театральные залы, погашены огни рампы. Затих и костромской театр. Разъехались гости, отдыхают хозяева. Поездкой по клубам области завершён 156-й театральный сезон. А вот театральная Москва начинает оживать: открыли сезон вахтанговцы.

В преддверии нового сезона всегда много разговоров и споров. Каждый мечтает увидеть пьесы любимых авторов, надеется стать свидетелем ярких творческих поисков, интересных актёрских и режиссерских дебютов. При этом все мы склонны брать за образец лучшие московские и ленинградские театры. В конце концов нет ничего плохого в том, что областные зрители и театры попадают под столичное влияние. Это даже закономерно.

Наш театр имени А. Н. Островского не чужд определенных театральных веяний. Москва начала строить на сцене станки и конструкции, и у нас спешат делать то же самое. Москва не закрывает сцену занавесом, и Кострома идет тем же путем. Москва ставит «Маскарад» и «Мой бедный Марат», и костромичи ставят.

Но все это следование за москвичами чисто внешнее. Наличие или отсутствие занавеса ничего не говорит о творческом своеобразии театра. Важна прежде всего его идейно-эстетическая позиция. И вот тут-то очень трудно становится определить творческие принципы нашего театра. Они кажутся какими-то расплывчатыми, чересчур общими.

Мне, как питомцу актёрской студии костромского театра, во все не безразлично, что и как играется на его сцене. И вот мне кажется, что напрасно наш театр не поддается широкому увлечению драматургией Вертольда Брехта. И не потому только, что Брехта ставят в Москве. Просто, на мой взгляд, жизнь современного театра невозможна без усвоения открытий Брехта. И вообще хочется, чтобы костромичи увидели Брехта.

Как же ставят Брехта в Москве, где сердца публики привлечены именами таких разных и талантливых режиссеров, как А. Эфрос, Ю. Любимов, Б. Львов-Анохин, О. Ефремов, Н. Охлопков?

По-разному ставят. Одни — скупо, почти аскетично, другие — ярко, празднично, третьи — до загадочности сложно, четвертые — страстно. И везде интересно. И везде по-брехтовски. Потому что

Брехт прост и сложен, ясен и изощрен; традиционен и нов, наконец — реалистичен и условен. Смотреть Брехта легко и трудно. Легко потому, что вы не увидите ничего необыкновенного. Напротив, идеи Брехта ясны, фабула проста. Трудно потому, что приемы Брехта будоражат вашу мысль, не дают вам покоя. Брехт не рассказывает. Он доказывает. Его доказательство видимо, образительно, конкретно. Брехта мало читать, его надо смотреть.

«Мамаша Кураж» в театре имени Маяковского заканчивается до графичности точным образительным приемом: постаревшая, изможденная мать, которая ради наживы втягивает в войну своих детей и теряет их, силится столкнуть с места свою повозку, а на экране, как апофеоз, вспыхивает проекция бесконечного кладбища. Красны — и одинокая, жалкая в своей беззащитности мамаша Кураж!

Приемы Брехта сложны, подчас противоречивы. Но в них своя мудрость, своя логика. Если вы хотите насладиться ими, идите в театр драмы и комедии на Таганке на спектакль «Добрый человек из Сезуанна». Но не ждите, что все и вся будут играть на ваших добрых чувствах и подогрывать не в меру расплывшиеся эмоции.

Со зрительского поргала смотрит доверительно Брехт. Очень добро смотрит. Спектакль Любимова — это как бы игра в прятки. То, что ищешь, оказывается обязательно не там, а то, что находишь, оказывается весьма прозаичным. Нарочитая пластика, условная мизансцена, символические персонажи, открытая публицистичность уживаются с натуралистическими бытовыми сценами, «реалистической» житейской атмосферой.

Брехт не чуждается ни реализма, ни условности. Станок в спектакле театра имени Маяковского напоминает модернистскую скульптуру, а люди на станке одеты весьма «натуралистически». Актёр, играющий Шу Фу в «Добрый человек из Сезуанна», ходит по сцене в каком-то танцевальном ритме, и рядом правдивое темпераментное исполнение Николаем Губенко роли легчика.

На свидание к арестованному сыну бежит под косым и уродливым станком мамаша Кураж. Станок заставляет ее все более сгибаться, горбиться. Так войча гнет, ломает все человеческое. Подкупающее большой правдой чувств исполнение Глизер роли

мамаша Кураж — и вдруг символические режиссерские мизансцены.

Но если вы считаете Брехта символизмом, то и тут вы до конца не поймете его, так как искусство Брехта, революционное в своей позиции, до классичности реалистично, ибо служит простым и ясным целям.

«Плохой конец заранее отброшен. Он должен, должен, должен быть хорошим», — хором бросают в зал актеры, заканчивая спектакль в театре Ю. Любимова.

Свои простые идеи Брехт подчас заключает и в простую форму. Народный музыкальный фольклор — вот художественный стиль «Трехгрошовой оперы» в спектакле театра имени Станиславского, которая строится как уличный фарс — настолько все драматические ситуации облачены в комическую форму и во всем сквозит народный юмор и ирония.

Театр на то и театр, скажете вы, чтобы создавать «живых людей в плоти и крови».

«Сцена не гербарий и не музей, где выставлены набитые чучела». Это сказал Брехт, и никто ему не возражает.

Но мир не неизменяем, утверждает Брехт. Человек не есть нечто застывшее, постоянное. «Мы, работники театра, стремимся изменить человеческую природу» (Брехт). Поэтому, по мысли Брехта, актер должен показать человека со стороны, показать, что общество может изменить его. Актеры не играют образ, не перевоплощаются, а судят своего героя, остаются как бы рядом с ним. Не случайно поэтому актеры часто выключаются из действия, показывают, иллюстрируют, констатируют.

Кажется, вы собираетесь поду-

мать, что Брехт — рационалист. Дескать, его интеллектуальное искусство не оставило в себе живого слова, страстей, без когорных мыслей театр. Но если вы посмотрите Глизер в роли мамаша Кураж, то поймете, что тут вы ошиблись. Как нельзя представить Брехта без его темы — темы переустройства несправедливого буржуазного общества, так нельзя у Брехта исключить страсть и силу. Выйдя из театра им. Маяковского, вы еще долго будете с яростным криком: «Будь она проклята, эта война-а-а-а!»

В театре на Таганке в вестибюле на стене висят три портрета: Станиславский, Вахтангов, Брехт. Рядом! Неудивительно поэтому, что москвичи готовы «на авось» идти к подъезду театра за час до начала брехтовского спектакля и с упорством и терпением ловить «лишний билетик».

Закончился театральный год. Много интересного принес он любителям искусства. Продолжаются поиски образности, выразительности в искусстве, индивидуальных методов и почерков. Хотелось бы, чтобы на сцене Костромского театра имени А. Н. Островского царил атмосфера поиска.

Искусство многогранно. Нет предела в средствах выразительности. Язык искусства красочен. Пусть именно первооткрытия характеризуют наш творческий коллектив. Пусть проникает на наши подмостки Брехт.

А. ГОВОРУХО,
студент ГИТИСа.